

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

© СИЗЫХ Т.П.

НАЧАЛО ТРЕТЕЙ ССЫЛКИ ПРОФЕССОРА, ВЛАДЫКИ ВАЛЕНТИНА ФЕЛИКСОВИЧА ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО В СЕЛЕ БОЛЬШАЯ МУРТА

Т.П. Сизых

Красноярская государственная медицинская академия им. В.Ф. Войно-Ясенецкого, ректор
— д.м.н., проф. И.П. Артюхов.

Он сказал им: вы выказываете себя
праведниками пред людьми,
но Бог знает сердца ваши:
ибо что высоко у людей, то мерзость у Бога.
(Лк. 16;15)

Резюме. В статье представлены ранее неизвестные факты о жизни В.Ф. Войно-Ясенецкого в начале третьей его ссылки в селе Большая Мурта Красноярского края.

Ключевые слова: В.Ф. Войно-Ясенецкий, Большая Мурта, третья ссылка, Красноярский край.

В ночь с 23 на 24 июля 1937 года профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий в очередной раз был арестован в г. Ташкенте. После нечеловеческих пыток, истязаний, издевательств, двух голодовок и конвейеров допросов обессиленный, но не сдавшийся и не оговоривший себя он был 13 февраля 1940 года после 2,5 лет подвалов, одиночек, ОГПУ и Ташкентской тюрьмы особым совещанием при ОГПУ СССР, проходившем в Москве, выслан в ссылку в Красноярский край сроком на пять лет за участие в антисоветской организации (4.10).

Местом третьей ссылки В.Ф. Войно – Ясененецкому было определено волостное село Большая Мурта Красноярского края. Прибыл он из Ташкентской областной тюрьмы через Алма-Ата, Новосибирск в Красноярск. Ссыльные были этапированы «на окраину города Красноярска в одну из пересыльных тюрем», где они «пробыли недолго» (2). Ранней весной (март 1940 г) ссыльный врач, д.м.н., профессор В.Ф. Войно–Ясенецкий затемно по утру выехал из Красноярска в конечную точку ссылки – Большая Мурта на подводах в составе значительного числа ссыльных. Большой обоз ссыльных был конвоирован, двигались они по Енисейскому тракту, идущему от Красноярска на север (фото 2.). В селе Большая Мурта этот тракт являлся главной улицей, сегодня называемой Советской. Первое, что он мог увидеть справа от тракта при въезде в село, – это был хирургический корпус волостного врачебного участка (фото 3.), на здании которого был большой щит, крупными буквами указывающий – «хирургическое отделение» [4]. Далее на этой улице стояли (по настоящее время сохранились) три дома братьев Гордеевых, сложенных из добротного крупного лиственника, первых поселенцев Большой Мурты.

По воспоминаниям большемуртинского врача А.В. Барского, о котором узнаем из книги М.А. Поповского (фото 4): «Войно–Ясенецкий прибыл ночью, поздним вечером в начале марта 1940г. «Я долго сидел в комнате, готовясь к предстоящей на следующий день операции. В двенадцатом часу ночи ко мне постучал фельдшер Иван Павлович Бельмач. Он вошел и, растеряно извиняясь, объяснил, что ко мне хочет сейчас прийти какой – то профессор. Вошел высокого роста старик с белой окладистой бородой и представился: «Я профессор Войно–Ясенецкий»... Он сказал, что приехал только что сейчас из Красноярска на подводах» [4].

Из воспоминаний Барского (фото 5) мы узнаем два важных факта: профессор прибыл в Большую Мурту *в начале марта 1940 года, при этом в половине двенадцатого часа ночи* (выделенные курсивом слова Т. П.). Эти факты очевидца приезда в Б. Мурту Валентина Феликовича нам будут необходимы для осознания начального периода обустройства его жизни в связи с обнаружением новых документальных, ранее неизвестных материалов, а также устных фактов живых свидетелей тех далеких дней. Сопоставление ранее известных фактов из слов Барского со вновь полученными фактами помогут нам восстановить события первых месяцев (одного – полутора) жизни, работы В.Ф. Войно–Ясенецкого в Большой Мурте. Одновременно убедимся, насколько достоверны сведения об этом этапе его жизни, по свидетельству А.В. Барского [4].

Центр села, где располагались райком ВКПб, райисполком, райфо и райзо находился в противоположном конце села по отношению к больнице. В настоящее время той старой центральной части села уже нет. Центр располагался в другом конце тракта Красноярск – Енисейск, пролегающего через село Б. Мурта, который должен был проходить обоз с ссыльными, подъезжая к пожарке (фото 7). Все здания в селе были деревянные. Ссыльных по обыкновению доставляли до пожарной каланчи, у основания которой было небольшое помещение в 120-130 м². В нем-то и проводили, как правило, первую ночь ссыльные. Когда прибывали большие обозы по 100 – 200 человек и более, они едва вмещались в помещение пожарки и поэтому приходилось ссыльным всю ночь стоять на ногах. Утром в пожарную приходили председатели колхозов и руководители предприятий Большемуртинского района и, как правило, большую часть ссыльных разбирали на неквалифицированные работы и развозили по селам. Поэтому отбирали руководители таких ссыльных, которые были способны выполнять тяжелый физический труд (свидетельства жителей Б. Мурты: Геннадия Горшунова и Лидии Самсоновой). Барский свидетельствует, что при встрече Войно – Ясенецкий ему рассказывал, «что приехал он ... из Красноярска на подводах в составе очень большой группы бывших заключенных,

жертв 1937 года, которые сосланы, в Большемуртинский район на свободное поселение..., но он как хирург решил прежде всего обратиться в районную больницу, просил Барского обеспечить его только бельем и питанием и обещал помогать ему в хирургической работе. Я был несколько ошеломлен и обрадован такой помощью и такой встречей» [4, стр. 324-325].

Так ли это? Спустя почти 30 лет, прошедших от встречи с Войно – Ясенецким, Барский, вспоминая о прошедших событиях, повествует, что «фамилия Войно–Ясенецкого «ему была известна только по книжке, которая вышла в свет несколько лет назад до встречи» [4]. Монография «Очерки гнойной хирургии» вышла, как известно, в 1934 году и очень быстро разошлась. Вряд ли Барский мог (в недавнем времени, студент Ленинградского медицинского института, а в дальнейшем молодой специалист мог быть знакомым) с раритетным изданием. Лестно, конечно, подать себя, что к 1940 году молодой специалист с 6-месячным стажем работы был знаком с его книгой. С чем связано такое недоверие к врачу Барскому? На то установлено неоспоримые факты, наличия у врача А.В. Барского синдрома Мюнхгаузена. Врач Барский, молодой специалист, был уже членом партии, т.е. человеком активно прокладывающим путь к авторитарности, партийности и деловой карьере.

И то, что он был ошеломлен появлением ссыльного профессора, – это было им верно подмечено. С одной стороны, делающему первые шаги в хирургии, конечно, было полезно поучиться у высокоопытного практика да еще профессора. Надежные тылы в сложной работе сельского хирурга – неправда ли, заманчиво? А с другой стороны – как коммунисту, зачем ему головная боль, заботы иметь у себя в коллективе политического ссыльного, не раз репрессированного, даже если он и прекрасный специалист, доктор медицинский наук, профессор? Барский – член партии ВКПб, и ее призыв – быть бдительным и решительным к врагам народа. Шел 1940 год. Памятны дела ОГПУ 1937-1938 годы. А он – Барский, руководитель, заведующий Большемуртинской больницей. Ответственность большая, с ним и сам можешь по 58 статье пострадать. Примеров тому много. А кто такой Войно – Ясенецкий? Таких партия и правительство гноили и уничтожали, как и их жен и детей. И этого Барский не мог не знать, и не брать в расчет. Ему также было известно, как сложилась судьба членов партии, которые оказывали поддержку врагам народа.

И вдруг свидетельство профессора, что он «заключенный, жертва 1937 года» (что, полагаю, Войно – Ясенецкий и не мог в то время так говорить)?! В сложную ситуацию тогда был поставлен Л.В. Барский.

М. Поповский в книге «Жизнь и житие святителя Луки Войно – Ясенецкого», пишет со слов А.В. Барского о той ночи и их встрече: «Мы не спали до четырех часов утра». Войно–Ясенецкий расспрашивал выпускника – врача о навыках и достижениях советской хирургии, т.к. он был четыре года в изоляции от передовых мыслей, достижений медицины – в застенках ОГПУ, затем в тюрьме г.Ташкента. Говорили также о том, какие проблемы у молодого хирурга в его начинающейся практике. Узнав, что на следующий день хирург должен оперировать больного по поводу рака нижней губы рта, Валентин Феликович тут же ему изобразил топографию подчелюстной области и лимфатических регионарных узлов. Как отмечает А.В. Барский, – профессор поразил его схемами и рисунками, изображенными на глазах изумленного Барского, поскольку они выглядели так, как они были выполнены «в классических атласах по нормальной анатомии» [4].

Итак, поскольку больница располагалась на тракте, то Валентин Феликович решил немедленно обратиться к руководителю лечебного Большемуртинского учреждения по поводу своего трудоустройства. И нет сомнений, что он убедил конвойных разрешить ему отлучиться из обоза и явиться в больницу.

Из выше изложенных рассказов мы узнаем, что, прибыв в Большую Мурту, В.Ф. Войно – Ясенецкий посетил дом – квартиру супругов Барских, где он пробыл до утра. Со слов А.В. Барского, «Он Войно – Ясенецкого сразу принял на работу. Да только на следующий день чуть не расстроилось все. Заведующая райздравом Бездомникова [1,2,4,5,6,7], – вспоминает Барский, – была очень энергичная женщина, но безо всякого медицинского образования и почти совершенно безграмотная, умевшая только подписывать свою фамилию». Такое явление в районных органах власти наблюдалось до 60-х годов и не так уже редко. А это шел лишь 40-ой год.

А.В. Барский свидетельствует: «Когда я рассказал о том, что вот у меня имеется такой профессор..., она замахала на меня руками и сказала, что нельзя допустить, чтобы он работал в районной больнице».

По словам А.В. Барского, – «он не отступил, пошел сначала к председателю райисполкома – неудачно, потом к секретарю райкома партии. Тот привлек для консультации начальника районного отдела НКВД». Наконец было принято решение, что» под бдительным оком товарища Барского ссыльный профессор работать в районной больнице все-таки сможет» [1]. Работа в большемуртинском государственном архиве в декабре 2007 года позволила установить личность председателя райисполкома с. Большая Мурта, которым являлся Ильченко. Работал в данной должности он с 5 января 1939 по 15 сентября 1940 годы.

А.В. Барский, – согласно свидетельству его рассказов и старожилов – власть свою как коммуниста, заведующего районной больницей, показывал. Вспомним, с каким трепетом и волнением смел обратиться ведущий фельдшер И.П. Бельмач (исполнял обязанности заведующего амбулаторией и даже больницы) Большемуртинской больницы [2], смел ночью постучать и войти в дом районного хирурга. По воспоминаниям больной Н.А. Жемчуговой, прооперированной (в возрасте 12 лет) Валентином Феликовичем в первой половине июня 1940г. в Большемуртинской больнице по поводу хронического остеомиелита левой большеберцовой кости, мы узнаем, что после операции на обход приходил только Барский, профессор в них не участвовал [9]. Однако перевязки выполняли всегда Войно – Ясенецкий с Барским, следовательно, в сложных и ответственных вопросах, когда нужно было принять судьбоносное решение, профессор был востребован. А в обходах, первичном осмотре больного заведующий хирургическим отделением А.В. Барский не позволял профессору участвовать да и перевязки одному выполнить. Как мыльный пузырь от важности своей личности и долга коммуниста, он раздувался. Ведь он начальнице – заведующей райздравотделом, председателю исполнкома, первому секретарю района партии «обещал, что «потячки старику давать не станет [4]». И не давал. Рискованно было для партийца проявлять симпатию к ссыльному. И это понятно. Знал об этом А.В. Барский и держал необходимую дистанцию». Для того, чтобы вести себя иначе – с уважением, доверием и почитанием ссыльного врача, за его заслуги нужно было быть другим человеком, идти путем истины и правды, не щадя своего живота, то есть иметь свои принципы в жизни. Тогда бы он шел против «ветра времени». А на это А.В. Барский не был способен. Он ценил себя и ему его положение в социуме куда было важнее. Он соблюдал материалистические законы своих надуманных вождей Ленина – Сталина.

Спустя 30 лет в беседе с журналистом М. Поповским он неоднократно в разговоре будет подчеркивать, «что Войно – Ясенецкий, живя в Мурте, всегда безоговорочно слушал его (Барского) и по всякому поводу обращался к нему за разрешением» [4]. Да вот оказия, как дело доходило до операционной, нездачливый хирург уступал Валентину Феликовичу, т.к. хозяином положения становился доктор медицинских наук, профессор, блестящий хирург Валентин Феликович Войно – Ясенецкий. Как только допустили профессора к работе в больнице, он сразу развел активную широкопрофильную хирургическую деятельность: полостные абдоминальные, на костях, головном мозге, глазах и другие. Довольно скоро разнеслась молва о его способностях исцелять ранее не излечиваемое в других, в том числе краевых лечебных учреждениях. Народ потянулся с деревень не только Большемуртинского, а и других районов, городов Красноярска и

Томска. Как свидетельствует Александр Васильевич Барский, – «желающих лечиться у профессора было много, Войно – Ясенецкий консультировал больных, не обижая мой авторитет». Оказывается, Барский «первым принимал приезжих: И только в том случае, если я находил необходимым его консультацию, направлял больного к нему... Войно – Ясенецкий, не принимал без моего направления ни одного больного» [4].

И это деяния, поступки, с 6-ти месячным опытом работы врача-хирурга, по отношению к редчайшему таланту хирурга, который озарил знанием уже их первую беседу по поводу рака нижней губы. А.В. Барский, спустя несколько десятков лет, будучи уже сам доктором медицинских наук, профессором, заведующим кафедрой общей хирургии Куйбышевского медицинского института, не пытается дать должную оценку своим поступкам по отношению к Войно – Ясенецкому. Он продолжает кичиться, получив все степени и звания, он остался тем, кем он и был – мелким, тщеславным человеком, которого распирала самовлюбленность нарцисса.

Вернемся к событиям начала марта 1940 года. Зададим вопросы: «Принял ли Барский ссыльного профессора со дня его обращения? Верны ли его свидетельства? И можно ли ему доверять?»

Изучение приказов районного отдела здравоохранения по Большемуртинской центральной районной больнице, сохранившихся от 1935 по 1948 годы (фото 8), позволили точно установить дату приема на работу В.Ф. Войно – Ясенецкого в Большемуртинскую больницу (фото на 2-ой странице обложки данного журнала), а так же узнать, в какой должности и с какой оплатой труда он был принят. Оказывается, все-таки был издан приказ о приеме В.Ф. Войно – Ясенецкого на работу в данное лечебное учреждение. Приказ заведующим райздравотделом Бездомных был издан от 19 апреля 1940 год. Как видим, из приказа 49 – (фото 9 на стр. 2 стр. обложки журнала) «грж. Войно – Ясенецкий был принят в Большемуртинскую районную больницу в качестве консультанта-хирурга и глазника». В приказе он классифицирован, как гражданин (грж.), так в СССР пренебрежительно называли всех, кто был под следствием, осужден, репрессирован, сослан. Следовательно, то, что он ссыльный, отражено даже в данном приказе. Оклад ему был определен в унизительном размере – в сумме 200 руб. [2].

Как теперь установлено, в книге М. Поповского приведены непроверенные факты о том, что – «А.В. Барский даже не зачислял Войно – Ясенецкого в больничный штат, а просто выписывал ему всего двести рублей за счет пустовавших ставок то ли санитарки, то ли прачки [4]». Мы имеем документальное подтверждение – приказ 49, где определена сумма оплаты его труда. Полагаю, что без приказа коммунист Барский не смел и не мог принять ссыльного профессора на работу, да, вероятно, и не хотел. Так как приказ – это

ответственность за принятие на работу лежит не на нем, а на «безграмотной» заведующей райздравотделом, принял решение совместно с вышестоящими партийными органами. Это Барского устраивало, так как он защищен от возможных последствий: власть взяла на себя ответственность и приняла гражданина, ссыльного врача, на работу в вверенную ему больницу, что он хорошо понимал [1,2]

Как видно из приказа, В.Ф. Войно – Ясенецкому, доктору медицинских наук, профессору, хирургу, блестяще оперирующему во всех областях человеческого тела, действительно начислялось 200 рублей. Тогда как рядовой врач, работающий на одну ставку, получал в Большемуртинской больнице от 450 до 550 руб. На фото 9 можно ознакомиться с приказами №45 от 16 марта 1940 параграф 1. Врачу Тиротарь Марии Леонтьевне (тубпункта) полагался оклад в сумме 550 рублей; параграф 2. Врач Степанова Тамара Петровна, которая работала врачом тубпункта по совместительству на 0,5 ст., за это ей начислялось 350 руб [5]. Из книги приказов Большемуртинского райздрава мы узнаем, что оклад в 200 руб. был назначен с 6 апреля 1940 г. помощнику ГСП (государственному санитарному помощнику) Д.Е. Дороганкину. Ставка медсестры составляла 185 руб., а санитарки – 105 (фото 10) [7].

Трудно согласно законодательству и действующим в ту пору приказам понять, чем руководствовалась заведующая райздравотделом Бездомникова и заведующий больницей А.В. Барский при начислении унизительной и оскорбительной по сумме заработной платы профессору. Этот факт указывает на беспредел, творящийся тогда в нашей стране, по отношению к ссыльным. Они были абсолютно бесправны и вне конституции и законодательства. Каждый самодур мог, что ему вздумается, делать с ссыльным. Зная это и понимая возможности исполнителей маленьких винтиков в этой молотящей судьбы людские государственной машине, мудрый человек – Валентин Феликсович Войно – Ясенецкий смирялся, почтит ту власть, Богом данную за наши грехи. Поэтому терпел и соблюдал дистанцию, главное, делая свое профессиональное дело – и первичный осмотр вел больных, кого позволял его руководитель, несмышеный еще специалист, хирург Барский, на обходы, коль так угодно было руководителю больницы не ходил. Но вот всех прооперированных он утром, до обхода заведующего больницей А.В. Барского лично осматривал в палатах и следил за выполнением его назначений (свидетельство больной Н.А. Жемчуговой) [8]. Здесь он уже не смирялся, а делал высоко профессионально, как и полагается, по совести.

Теперь мы знаем, что Барский лукавил, когда свидетельствовал в 1970 г. М. Поповскому, что он весной 1940 г. принял профессора В.Ф. Войно – Ясенецкого сразу на работу и со следующего дня стал хлопотать о нем перед районными органами власти.

Доказательством тому является не только документальное подтверждение – приказ №49 от 19 апреля 1940 года. Таким образом, не в начале месяца марта, сразу как он прибыл в Большую Мурту, и не со дня первой встречи с Барским, он в больнице не был принят на работу. Есть тому живые свидетели, где и чем занимался до устройства на работу в больницу профессор В.Ф. Войно – Ясенецкий.

Ребенком восьми лет была Лидия Ивановна Коваленко (теперь по мужу Самсонова), когда В.Ф. Войно – Ясенецкий прибыл в ссылку в Большую Мурту. Росла она бойкой, подвижной, смысленной, любознательной, все-то ей нужно было увидеть, узнать, уразуметь. Она была всегда полна неожиданностей, поэтому для матери она была трудным ребенком. Одним словом, была она сорванец. Но при этом, если что нужно было сделать, не отнекивалась, выполняла дело сразу, быстро, деловито и ловко. Была всегда обязательна, всем стремилась помочь; была трудолюбива, честна, справедлива и ответственна. Лидия Ивановна рассказывает: «На нашей улице было много ребятишек. Однажды пацаны, мои сверстники, убежали на речку Муртушку. Вернулись и говорят: «Айда, девчонки, пошли посмотрим на странного человека в тряпке».

Тут же они сорвались и всей гурьбой помчались в направлении, указанном мальчишками. Когда прибежали, то «она увидела во дворе райзо (заготовительно-семенной отдел) двух мужчин, распиливающих на козлах двухметровые лесины на дрова. Один из них был рыжий худощавый и длинный, а другой – высокий, большой и с бородой, на котором была какая-то тряпка на плечах и ногах. Это была весна. Мы были в кофточках, чулках и ботиночках». Можно предположить, что это был апрель, т.к. в марте в Сибири еще зима и в кофточках не ходят. «Стоим кучей, смотрим и молчим. Они пилят. На нас внимания не обращают. Рыжий мужчина был более энергичный. А полный был с животом, пожилой и не столь активен. На его голове была шапка, на плечах была не фуфайка, не пальто, а расклешенная из толстого, черного сукна «индирятка», которая доходила до середины бедра. Ее – то мальчишки назвали тряпкой. На ногах его были рукава от фуфайки, на голенях тряпки, которые были завязаны наперекосяк веревочками по всей голени и под коленями. Веревочка это была тоненькая. Калош на ногах не было». Вспоминая этот случай почти 70 лет спустя, Лидия Ивановна говорит: «Ой, какая страсть, столько пережить, в разных тюрьмах побывать. Сколько мук принять? Да, Валентин Феликович, теперь уже лежите, отдыхайте». Так, добрым сердцем она дала характеристику страстям, испытаниям, выпавшим на долю Валентина Феликовича, в том числе и в Мурте.

Когда Лилия вернулась домой, тут же сообщила матери – Марии Евгеньевне Ковалевой: «Мама, какое чудо мы видели! И обрисовала подробно человека, столь

впечатлившего ее детское воображение. Ведь им не приходилось видеть профессорскую разлетайку – полупальто, названную Лилей – «индирыткой» и тем более стеженую восточную обувь (фото 12).

Прошло некоторое время. Однажды Лиля, придя с сестрой Розой в Большемуртинскую больницу к матери, которая работала в ту пору санитаркой в операционной, стояли и ждали ее во дворе больницы, недалеко от крыльца хирургического отделения. И вдруг они увидели идущего полного, пожилого с бородой человека, что пилил недавно дрова в райзо. Только в этот раз он был одет в длинный больничный белый халат, а на голове была белая хирургическая шапочка. Он шел по двору больницы, поднялся по крыльцу и вошел в хирургическое отделение. Очень наблюдалельную и смышеную Лилю это очень озадачило. Тут же они нашли мать, Марию Евгеньевну, и спеша, комкая слова, сообщили ей потрясшую их новость: «Вошедший мужчина в белом халате в хирургическое отделение был именно тот, которого они видели во дворе райзо пилившим дрова. Мария Евгеньевна урезонила дочь, – «Перестань, Лилька, ерунду говорить! Это профессор, хирург, и вовсе это был не он. Это быть не может». Лиля же настаивала на своем, что это именно тот человек, и она не ошиблась» (Фото 11).

Вскоре представился случай, и Мария Евгеньевна спросила профессора: «Валентин Феликович, вы пилили дрова во дворе райзо?» Он удивился и встречено задал вопрос: «А откуда вы об этом узнали? Да, я до трудоустройства в больницу нанимался пилить дрова. Тогда Мария Евгеньевна рассказала ему, что узнала она об этом от дочери Лильки (так называла за необузданность характера ее мать). Валентин Феликович, ближе познакомившись с Марией Евгеньевной, ее дочерьми, узнав их судьбу (о репрессии отца и их ссылки), схожую с его, подружился с этой семьей и очень полюбил младшую девочку. Называл он ее не иначе, как Лилей, Лилечкой. Он с ней гулял по лесу в теплое время года и разглядел в ней добрую, отзывчивую, глубоко нравственную девочку. Чем мог, одаривал ее. И всегда ее привечал. Говорил Марии Евгеньевне: «Вот увидите какая, она вырастет», – указывая на ее хорошие качества.

Лидия Ивановна Самсонова, это и есть та Лиля, Лилька, Лилечка (фото 12). Она удивительно правдивый рассказчик, очень наблюдательный, чувствительный, с широкой доброй, отзывчивой душой человек. О ней еще не раз будет рассказ, так как она кладезь информации о пребывании Войно – Ясенецкого в Большемуртинской ссылке.

Как видим, рассказ Лидии Ивановны полностью согласуется с данными приказа №49 по Большемуртинскому райздраву. Оба факта, документальный и изустный, указывают на то, что Войно- Ясенецкий не сразу был принят на работу в больницу, а где-то через

один – полтора месяца после его прибытия в Большую Мурту. До принятия в Большемуртинскую больницу он выполнял тяжелую физическую работу и неведомо, где ютился, устраиваясь на ночлег.

Таким образом, установлено, что будучи уже профессором, А.В. Барский в 1970г., рассказывая писателю М.Поповскому, о том, что он немедля принял на работу Войно – Ясенецкого, он, попросту говоря, лукавил. В дальнейших работах мы еще не раз вернемся к этой неприглядной стороне личности самого А.В. Барского и его супруги К.П. Барской.

Наиболее убедительным свидетелем является сам В.Ф. Войно – Ясенецкий. Он в своей автобиографии пишет: «В Красноярске нас недолго задержали в какой-то пересыпочной тюрьме на окраине города и оттуда повезли в село Большая Мурта, около ста тридцати верст (по современному тракту 110 км) от Красноярска. Там я *первое время бедствовал без постоянной квартиры*, но довольно скоро дали мне комнату при районной больнице и предоставили работу «(как выяснилось, через 1,5 месяца – Т.П. Сизых) в ней вместе с тамошним врачом и его женой, тоже врачом». Позже они говорили мне, что я едва ходил от слабости после очень плохого питания в Ташкентской тюрьме, и они считали меня дряхлым стариком (Фото 13). Однако довольно скоро я окреп и развил большую хирургическую работу в Муртинской больнице. Из Ташкента мне прислали очень много историй болезней из гнойного отделения..., и я имел возможность, благодаря этому, написать много глав своей книги «Очерки гнойной хирургии» [8]. Да, конечно, наконец, получив допуск к любимой работе в Большемуртинском хирургическом отделении, а также угол, где он мог завершить поставленную цель в жизни – монографию, он считал мелочью свое скитание в течение месяца по разным случайным углам и занятие тяжким физическим трудом. Главное для него, что все мытарства, необустроенностъ его кончились. Поэтому им лишь вскользь сказано: «Я первое время бедствовал без постоянной квартиры». О работе неквалифицированной (в возрасте 64 лет с больным сердцем) он даже не упоминает. Как сквозь зеркало, он высветил свое физическое состояние, словами – «о слабости после плохого питания» и «дряхлости...» замеченными Барским. При этом он ссылается на плохие условия Ташкентской тюрьмы, доведшие его до такого состояния. В Большой Мурте он тоже не имел куска хлеба, не говоря о жилье. Он не упоминает, что работу он выполнял ту, которая ему по состоянию здоровья была не показана, а даже противопоказана.

Ссыльных привозили и оставляли со своими заботами без какой – либо опеки, в том числе государственной. Самовыживаемость – такой принцип был продиктован ссыльным. Их личной заботой было, как они заработают на хлеб насущий. А ссыльным по 58 статье рассчитывать на трудоустройство в соответствии со своей специальностью и

квалификацией вовсе не приходилось. Лишь бы вообще взяли хоть на какую-либо работу. Не исключено, что В.Ф. Войно – Ясенецкий сам ходил и представлялся председателю райисполкома и секретарю райкома партии. Ему было хорошо известно, не понаслышке о состоянии медицинской службы в Красноярском крае. Ведь он был здесь в ссылке с 1923 по 1926 гг. (Енисейске – Хае – Туруханске – Плахино – Туруханске) [3,4]. Кроме того, 16 лет работы (1905 – 1917 гг.) земским врачом позволяли ему аргументировано вести диалог врача – хирурга с руководством района, но это пока осталось для нас за кадром. Надеюсь, что со временем найдется подтверждение, что трудоустройство в Большемуртинскую районную больницу было достигнуто не трудами и заботами А.В. Барского, а благодаря усилиями самого профессора В.Ф. Войно – Ясенецкого. Именно поэтому и появился приказ Большемуртинского райздрава о приеме на работу «консультантом, хирургом и глазником». Как видим, его круг деятельности был очерчен четко. Следует заметить, что в книге приказов Большемуртинского райздрава приказа о приеме на работу врачей Барских в больницу нет. Вероятно, они как молодые специалисты были распределены приказом Красноярского крайздравотдела, который не нашел отражения в районной книге приказов о приеме врачей Барских на работу в Большемуртинскую больницу, так как, видимо, было достаточно краевого распоряжения. В годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы в Большемуртинской больнице работали ссыльные врачи, на них нами также не обнаружено приказов в данной книге. Это еще раз убеждает, что по Войно – Ясенецкому вопрос о принятии его в районную больницу решался на районном, а возможно, и краевом уровнях. Шло согласование на всех инстанциях, на что и ушло больше месяца времени.

Так недружелюбно приняла Большемуртинская районная больница доктора медицинских наук, профессора, светило, величайшего хирурга, выдающегося ученого с мировым именем, архиепископа, (основоположника регионарной анестезии и гнойной хирургии) Валентина Феликовича Войно-Ясенецкого. Была ли дальнейшая его жизнь в Большемуртинской больнице спокойной, слаженной, об этом узнаем в последующих статьях.

Изучение книги приказов Большемуртинской районной больницы позволили уточнить еще один аспект [2]. Установлено, что в период трудоустройства Валентина Феликовича Большемуртинским райздравом заведовала Валентина Титовна Бездомникова, а не Фетисова, как это предполагалось исследователями. Согласно данной книге приказов райздрава с 1.01.1935 по 1946 годы смена лиц, занимающих эту должность в отдельные годы проходила, до двух, а то и до трех раз в год. Так заведующими райздравотдела были Бурмет с 1.01.1935 по 8.08.1936; А.Ханир – с августа по 1.05.1937 гг.;

Майорова – с 24.05 по 6.10.1937; Бездомникова – с октября по 15.09. 1937; Ю. Удинцева – с ноября 1937 по 4.03.1938; Котельникова – с марта 1938 по 25.06.1938; вновь была Бездомникова – с июня 1938 по 31.05.1939; Фетисова – с 5.06.1939 по 11.11.1939.

С 17.01.1940 в третий раз поставлена была на должность Большемуртинским заврайздравотделом В.Т. Бездомникова, и занимала она эту должность по 26 июля 1940. Решением исполкома она заведующая райсобесом была назначена на выше указанную должность в райздрав. Следовательно, Бездомникова принимала участие в решении вопроса приема на работу Войно – Ясенецкого и в издании по этому поводу приказа. Затем с 25 августа 1940 по 23 сентября 1941 г. Бездомникову сменила Яцеева. Таким образом, годы работы В.Ф. Войно – Ясенецкого в Большемуртинской больнице заведующими райздрава были двое: Бездомникова и, сменившая ее Яцеева. В очередной раз стала заведующей Большемуртинским райздравом Фетисова уже с ноября 1941 года. Валентин Феликович выехал из Большой Мурты в Красноярск в сентябре 1941г. Прибыл он в Красноярск, в эвакогоспиталь 15\15 30 сентября 1941 года (Зпо). Как власть предержащие разного ранга и сословия не унижали Валентина Феликовича, как его не гнули, не истязали, не пытались сломить его дух, он своим трудолюбием, послушанием, смиренностью, терпимостью, духовной стойкостью вопреки всем им восстал и воссиял во всю мощь, Богом данного ему таланта и гениальности. Как глаголет апостол Павел: «Сеется в уничижении, восстает во славе; сеется в немощи, восстает в силе (1 кор. 15,43)». Сам святитель Лука о себе сказал: «Сила моя в немощи совершается».

THE BEGINNING OF THE THIRD DEPORTATION OF PROFESSOR, MEMBER OF HIGHER ORDERS OF CLERGY VALENTIN FELIKCOVICH VOJNO-YASENETSKIJ IN BOLSHAYA MURTA

T.P. Sizyh

Krasnoyarsk state medical academy named in honour of V.F. Vojno-Yasenetskij The unknown facts about life of V.F. Vojno-Yasenetskij (the beginning of the third deportation in Bolshaya murta) are available in the article.

Литература

1. Большемуртинский государственный архив. Фр.-1, оп.1, д.1, 1.1-26. Книга приказов Большемуртинского исполнительного комитета.
2. Книга приказов Большемуртинской районной больницы 1935-1948 г.г. О приеме консультантом-хирургом глазника В.Ф. Войно-Ясенецкого. – Б. Мурта. 3 Л. 49.

3. Лисичкин В.А. Крестный путь святителя Луки: подлинные документы из архива КГБ. – М.: изд-во Московской патриархии, 2001. – 445 с.
4. Поповский М.А. Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого архиепископа и хирурга. – Спб.: Сатись Держава, 2002. – С. 315-345.
5. Приказ Большемуртинской ЦРБ № 45 §1-2 от 16 марта 1940 г. (О наплавлении крайздравотделом врача Тиротаро Марии Леонтьевны на работу...и Степанову Тамару Петровну...) / Книга приказов БМЦРБ, 1935-1948 г.г. – Б. Мурта, 1940 г. – Л. 48.
6. Приказ Большемуртинской ЦРБ № 48 §1 от 6 апреля 1950 г / Считать принятым на работу...Дерегайкина Дмитрия Евдокимовича / Книга приказов БМЦРБ, 1935-1948 г.г. – Б. Мурта, 1940 г. – Л. 49.
7. Приказ Большемуртинской ЦРБ № 48 §1 от 6 апреля 1950 г / Считать принятой на работу...санитарку Марину Филипповну / Книга приказов БМЦРБ, 1935-1948 г.г. – Б. Мурта, 1940 г. – Л. 51.
8. Святитель Лука Крымский / Войно-Ясенецкий. Автобиография. Я полюбил страдание. – М., 2006. – С. 113-126.
9. Сизых Т.П. Соединивший в своих руках крест и скальпель (к 130-летию Святителя Луки, доктора медицинских наук, профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого // Сиб. мед. журн. – 2007. – №4 (45). – С. 81-95.
10. Шевченко Ю.Л. Приветствует Вас Святитель Лука, врач возлюбленный. – СПб.:Наука, 2007. – 622 с.

Подписи к фото

1. *Фото 1. В.Ф. Войно-Ясенецкий в начале третьей ссылки (1940).*
2. *Фото 2. Дорога на Большую Мурту. Тракт Красноярск – Енисейск по которому следовал Войно-Ясенецкий в село Большая Мурта (начало марта 1940 г.).*
3. *Фото 3. Вид на хирургический корпус Большемуртинской ЦРБ со стороны тракта Красноярск-Енисейск.*
4. *Фото 4. Книга М.А. Поповского «Жизнь и житие Святителя Луки Войно-Ясенецкого архиепископа и хирурга».*
5. *Фото 5. Александр Васильевич Барский доктор медицинских наук, профессор, заведующий Большемуртинской ЦРБ с 1939 по 1941 годы.*
6. *Фото 6. Улица Советская (Тракт Красноярск-Енисейск) с домами, которые стояли в бытность Валентина Феликовича в Большой Мурте.*
7. *Фото 7. Срубленные тополя, немые свидетели бывшего центра села Большая Мурта, где располагалось райзо и на дворе которого Валентин Феликович распиливал лес на дрова.*
8. *Фото 8. Книга приказов Большемуртинской районной больницы с 1935 по 1948 г.г.*
9. *Фото 9. Приказ Большемуртинской ЦРБ № 49.*
10. *Фото 10. Приказ Большемуртинской ЦРБ.*
11. *Фото 11. Самсонова Лидия Ивановна – Лиличка – любимица Валентина Феликовича (первая слева).*
12. *Фото 12. Семья Коваленко. Лиля в возрасте шести лет и сестра Роза – 8 лет, Мария Евгеньевна – их мама, отец – Иван Терентьевич (репрессирован в 1937 году).*
13. *Фото 13. Валентин Феликович Войно-Ясенецкий в Ташкентской тюрьме до отправления его в Красноярск (1939 год).*
14. *Фото 14. Большничный двор Большемуртинской ЦРБ, крыльце хирургического корпуса, где девочка Лиля Коваленко увидела его в медицинском халате и шапочке.*

М. А. ПОПОВСКИЙ

**ЖИЗНЬ
И ЖИТИЕ
СВЯТИТЕЛЯ
ЛУКИ**

ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО

**АРХИЕПИСКОПА
И ХИРУРГА**

Приказе

№. именитымъ
за 1943 го. зог.

Февраль 1943

на 174...

Счет

Приказ № 45

ТГУЧ

16 Дата №№
ст. ж. г. содержание записи 31

Дебет Кредит

Направленную Краиздрафом арака
Директор Марии Леонтьевной
с 16 сего марта назначено взыскать
тибунулат с освобожденных солдат
состава 550р. Всю и из съведенений
сего числа чековыми взысканием с освобожденных
550р. Всю.

22

Врага рабочих Сибирской
Министерства назначено с утром
по съведенению взысканием
тибунулат с освобожденных 350р. Всю

23

Сего числа из Сибирской
командировок прибыла и
приемщица к исполнению своих
обязанностей.

Задержанным бездействию

16 марта Приказ № 6 ТГУЧ

Всем лицам срочно дать знать
как Невинномыску на работе
в Красногорске Перенос с утра
25/3/1940 в Красногорск 30/3/1940

Задержанным бездействию

Счет

Приказ № 47

49

Дата №№
ст. ж. г. содержание записи 31

Дебет Кредит

Задержанным для выселения
из села с утром съездом
членами по собственному
зеланию.

32

Задержанным для выселения
Кушевой В. Г. с утром
по Екатеринбургской армии
Барнауской армии временно
закреплен.

Задержанным бездействию

Приказ № 18

6 апреля 1940 г. 31 6 ТГУЧ
Сибирь прибытии на рабочий
на землю пос. Кас. ГСУ Тоб.
8000 рублей Адмирал Ермаков
26/4/9 с освобождением до 20.00 Всю

Задержанным бездействию

Приказ № 19

19 апреля 1940 г. 31 Башкирия
Сибирь прибытии на рабочий
6 Башкирии. Рабочий пос. Кас. ГСУ
В селе Красногорске Худурда
и магазине Чум Восто-Восточного с 1940 г.
с освобождением до 20.00 Всю

Счет

Принадлж 47

49

Дата	№ ст. ж. г.	Содержание записи	21	Дебет	Баланс
		6 Апреля 1940			
		Изменить с 47 в 21			
		Установлено по собственному заявление.			
		Зав. Екатерининский фр. Уссурийск Кириллов В. с 47 в 21 перенесен на Екатерининский фр. 1 Барнаулский фр. Биробиджанский фр. Закрытие.			
		Заведен здравий бездействия Принадлж 48			
6 Апреля 1940	21	6 Апреля 1940			
		Снижение производств на рабочий на долю земельной под. 25. 70 80,00 гашено Ачинским Енисейским сб/р в с остатком здравий			
		Заведен здравий бездействия Принадлж 49			
10 Апреля 1940	21	Баланс			
		Снижение производств на рабочий на бывшем земельном участке 10000 кв. м В земельное консультирование ходатай и заявление земли Восточно-Сибирского с 199,5 кв. с остатком здравий			

Barbara

Jeanne

and

